

Он очнулся в ветхой соломенной лачуге. Потолок топорщился сухими стеблями, а жесткие доски топчана врезались в бока так немилосердно, что ныло все тело.

Приподнявшись, он оперся на руки, пережидая приступ дурноты — голова была тяжелой, свинцовой. Лишь немного придя в себя, он осмотрелся. Жилище оказалось крошечным: простой деревянный стол, топчан, на котором с трудом улеглись бы двое, а на столе — тусклая масляная лампа, глиняный чайник да пара щербатых чашек.

«Где я?» — пронеслось в мыслях.

Пока Люцзин недоумевал, скрипнула дверь. На пороге показалась худощавая фигура в сером холщовом халате. Это был Цзюцин — юноша с тонкими, приятными чертами лица и приветливой улыбкой.

В руках он держал дымящуюся пиалу. Из-за пара разглядеть содержимое было невозможно, но у Люцзина, всё ещё не оправившегося от пережитых за день потрясений, при одном только взгляде на это варево тут же подкатил ком к горлу.

Цзюцин прикрыл за собой дверь, поставил пиалу на стол и дружелюбно произнес:

— Моя лачуга неказиста, так что не обессудь.

Люцзин нахмурился и нерешительно спросил:

— Это... твой дом?

— Угу, — кивнул хозяин. — Ты здесь человек новый, многого не знаешь. Подземное царство мало чем отличается от мира живых. Тут и кров найдешь, и сытную похлебку, да и развлечений хватает, скучать не придется.

«В Подземном царстве... есть еда, жилье и развлечения?»

Люцзин не верил собственным ушам.

Но Цзюцин, не заметив его замешательства, продолжал как ни в чем не бывало:

— Вчера ты вдруг без чувств рухнул. Мне ничего не оставалось, кроме как свернуть и притащить тебя сюда. С господами Непостоянства повидаться не удалось, но ты не переживай. Они каждый день заглядывают ко мне на похлебку. Завтра же обо всем расспрошу.

Такое искреннее сострадание тронуло Люцзина до глубины души, но вместе с тем навеяло

тоскливую горечь. Очнуться в этом Богом забытом месте без единого воспоминания, не зная ни своего имени, ни причин смерти — участь поистине жалкая.

Впрочем, спорить с судьбой сейчас было бессмысленно. Люцзину оставалось лишь смириться.

Он благодарно улыбнулся юноше:

— Разузнаешь ты что-нибудь или нет, я все равно благодарен тебе, брат Цзюцин. Ты так добро ко мне, что я даже не знаю, чем платить за твою щедрость.

Цзюцин замахал руками:

— Ну что за глупости! Брось эти церемонии, мы ведь не чужие люди.

Они переглянулись и дружно рассмеялись. Едва смех утих, Цзюцин спохватился:

— Чуть не забыл! Я только что бегал в Терем Лунного Сияния и выпросил у молодого господина Хухэ чашку рисового отвара. Тебе нужно подкрепиться, выпей, пока теплый.

Он взял со стола глиняную пиалу и шагнул к кровати.

«Рисовый отвар?! Значит, не человечина!»

Люцзин, которого мучил зверский голод, забыл о приличиях. Он поспешно соскочил с постели, перехватил пиалу и в несколько глотков осушил ее до дна.

Глядя на то, как жадно, словно истинный голодный дух, парень заглатывает еду, Цзюцин прыснул со смеху:

— Хорошо еще, что господин Яньгу жалует пищу живых. Не то стал бы ты первым покойником в Фэнду, который умудрился умереть от голода вторично.

«Яньгу?»

Имя показалось смутно знакомым. Точно! Не эту ли песню напевал незнакомец в бескрайнем море алых цветов, когда Люцзин только открыл глаза?

Люцзин опустил пустую посуду на стол и тихо спросил:

— А кто этот господин Яньгу?

— Господин Яньгу — наш Король Яма. И, надо сказать, самый прекрасный правитель преисподней за всю историю.

«Самый прекрасный Король Яма? Герой той жутковатой баллады — владыка преисподней? Но кто тогда танцевал посреди кроваво-красного поля?»

Перед глазами то и дело всплывал расплывчатый силуэт. Очертания фигуры помнились отчетливо, да и лицо, казалось, должно быть до боли знакомым, но стоило попытаться взглянуть — и черты ускользали, подернутые туманом.

Люцзин не знал, сменяются ли в Подземном царстве день и ночь. Но когда он открыл глаза после очередного глубокого сна, масляная лампа уже догорела, а сквозь щели в окне на топчан ложился блеклый холодный свет.

Цзюцин был в том же сером халате. Выйдя во дворик, Люцзин застал его за работой: парень сидел у точильного камня, и утреннюю тишину оглашал мерный, противный скрежет.

Хозяин лачуги то и дело прерывался, бережно проводил пальцем по острию широкого тесака, проверяя заточку. Он выглядел сосредоточенным и серьезным. Если бы не хрупкое телосложение и полное отсутствие зловещей ауры, Люцзин принял бы его за кровожадного асуру, явившегося из самых глубин преисподней.

Почувствовав на себе долгий взгляд, Цзюцин обернулся и тепло улыбнулся:

— Проснулся уже?

Люцзин, поглядывая на стальное лезвие, спросил:

— Брат Цзюцин, зачем тебе такой огромный нож?

Юноша шутливо взмахнул тесаком:

— А, это. Из лавки «Истинный аромат трупа» весточку прислали. Сказали, завезли свежую партию товара, надо бы пойти отобрать лучшее.

«Истинный аромат трупа?»

— А что это за место?

Цзюцин поднялся с точильного камня и подошел ближе:

— Да вроде наших земных тракторов. Только там сбывают не востребованные тела тех, кто сгинул на чужбине и остался без погребения. Мясо для похлебки я беру именно там.

Он поиграл лезвием и невинно, как дитя, предложил:

— Ты ведь тут впервые, может, прогуляемся вместе? Посмотришь, как все устроено.

Люцзин почувствовал, как с лица у него сбежали последние крохи краски. Сердце испуганно екнуло, ладони мгновенно взмокли, и он непроизвольно попятился назад.

— Брат... брат Цзюцин, пощади... Не шути так со мной... Я ведь... я...

Картины вчерашнего дня стояли перед глазами мертвым грузом, и возвращаться к ним не хотелось ни под каким предлогом.

Цзюцин заливисто рассмеялся и ободряюще похлопал гостя по плечу:

— Да ладно тебе! Побывать в Подземном царстве и не увидеть этого своими глазами — считай, зря помер. Но если душа не лежит, не неволю. Зрелище там и впрямь не для слабонервных. Когда я только начинал, сам чуть не подвергся рассеиванию души и духа от страха.

Люцзин поспешно закивал. Представить эту скотобойню в деталях ему не составляло никакого труда — воображение уже всю рисовало кошмары.

Обернув лезвие плотной холстиной, Цзюцин бросил тесак в плетеную корзину, закинул лямки за плечи и крикнул на ходу:

— Жди меня здесь, я быстро обернусь!

Люцзин молча кивнул ему вслед. Цзюцин ушел, весело напевая под нос незамысловатый мотивчик. Окинув взглядом унылую пустынную равнину, посреди которой петляла единственная пыльная дорога, Люцзин рассудил, что в убогой каморке ему будет куда спокойнее.

В лавке Цзюцин сторговал упитанного утопленника, преставившегося пару дней назад. Ловко, привычными движениями он разделал тушу, срезал излишки жира, тщательно вымыл мясо в проточной воде и, вернувшись к берегу реки Забвения, развел огонь под огромным чугунным котлом.

Цзюцин блуждал в бесплотных тенях уже двадцать лет. Спустя полгода после смерти он встретил здесь своих родителей. Короткое свидание, тихие слезы — и вот они уже ушли на новый круг перерождений. Тогда он впервые по-настоящему осознал, насколько брenna и

проста человеческая жизнь. И всё же, за все эти годы он так и не набрался смелости расспросить про ту, что осталась на земле. Жива ли она? Счастлива ли? Осталась ли такой же кроткой, но твердой духом, какой он её помнил?

Двадцать лет для мертвеца в загробном мире — срок ничтожный. Но для призрака, который сознательно отказался от Сансары ради призрачной надежды, каждый день тянулся вечностью. И в то же время он эгоистично желал, чтобы время шло медленнее. Пусть тянется как можно дольше, ведь тогда его любимая проживет на земле еще на несколько лет больше...

Размешивая огромным черпаком бурлящее варево, от которого уже поднимался густой сытный аромат, Цзюцин глубоко вдохнул пар и довольно улыбнулся. За два десятка лет он стал настоящим мастером своего дела.

Со стороны реки послышался плеск воды. Старый лодочник причалил к берегу, высаживая очередную партию безмолвных душ. Рядом с ними возвышались двое конвоиров — знаменитые господа Непостоянства, чьи черно-белые одежды яркими пятнами выделялись на фоне вечных сумерек. Как только новоприбывшие ступили на серый песок, старик взмахнул веслом, и лодка мгновенно растаяла в густом тумане над рекой Забвения.

Проходя мимо котла Цзюцина, конвоиры не замедлили шаг, лишь обменялись с поваром понимающими кивками. Юноша приветливо улыбнулся им вслед.

Когда процессия скрылась из виду, он вернулся к своему занятию. Помешивая похлебку, Цзюцин тихонько запел старинный погребальный напев:

— Роса на листьях так легко иссохнет под лучами,

Растает поутру, чтоб завтра вновь упасть...

Но коль ушел мертвец за смертными вратами,

Когда же он назад дорогу сможет сыскать?

— Эй, малец Цзюцин! Куда ты вчера запропастился? Сдал душу — и поминай как звали! — раздался за спиной знакомый хриловатый голос.

Цзюцин радостно обернулся. Так и есть: перед ним стояли неразлучные стражи.

Белое Непостоянство щеголял в белоснежном саване. Невероятно длинный и костлявый, с лицом, выбеленным словно мелом, он носил высокую остроконечную шляпу с надписью «Встретишь меня — разбогатеешь». В руке он сжимал жезл скорби, а из раскрытого рта до самого подбородка свисал длинный багровый язык, придавая его облику неопишимо жуткий, замогильный вид.

Черное Непостоянство выглядел куда приятнее. Хотя кожа его отливала угольной чернотой, лицо хранило суровое выражение, а ростом он уступал долговязому напарнику, его можно было назвать весьма видным и статным мужем среди призраков. С Цзюцином у них давно завязались приятельские отношения, и окликнул повара именно он.

— Куда мне до вас, почтенные господа, — с улыбкой отозвался Цзюцин. — На ваших плечах лежит великий долг, вы трудитесь без усталости днем и ночью. А я что? Устал — присел отдохнуть, никто и слова не скажет.

Белое Непостоянство едва заметно ухмыльнулось. Выглядело это жутко, но Цзюцин давно научился различать за этой маской искреннее благодушие. Страж поднял свой жезл и легонько стукнул им юношу по макушке:

— Смейся над нами, негодник?

Цзюцин осторожно перехватил древко пальцами, отводя жезл в сторону, и примирительно затараторил:

— Помилуйте, господа, как можно! Я ведь от чистого сердца сочувствую вашим трудам.

Черное Непостоянство поправил свой головной убор, на котором красовались иероглифы «Покой во вселенной», и тяжело вздохнул:

— С каждым днем ты поешь все слаще.

Белое Непостоянство покосился на брата, и на его бледной физиономии отразилась трудночитаемая гримаса.

— Изливаю душу, как есть! — хмыкнул Цзюцин.

Он достал из корзины два широких лотосовых листа, ловко свернул их чашечками и протянул стражам. Эти листья были сложены особым образом и скреплены призрачной силой, так что прочный природный материал легко удерживал кипящую жидкость, не пропуская ни капли. Повар щедро зачерпнул ароматной похлебки и разлил по импровизированным пиалам.

Стражи поднесли горячее варево к губам и сделали по глотку.

— Твое мастерство растет день от дня, — удовлетворенно прижмурился Черное Непостоянство.

Он хвалил похлебку при каждой встрече, так что Цзюцин давно перестал понимать, звучит ли это как искреннее признание или просто как дань вежливости.

— На здоровье, господа. Раз уж вы здесь... Вчера со мной приключилась престранная история.

Братья переглянулись поверх своих зеленых чаш и хором спросили:

— Что еще за история?

— Вчера старый лодочник привез к берегу нового призрака, — вкрадчиво заговорил повар. — Да только у того не оказалось при себе подорожной. И, что самое интересное, никто из призрачных посыльных его не сопровождал.

— Вот уж диковина, — неподдельно изумился Белый страж. Несмотря на длинный высунутый язык, речь его лилась на удивление плавно и отчетливо. — Все неприкаянные души проходят через наши руки. Как же он сумел миновать Врата Духов без подорожной и конвоя?

— Сам ума не приложу, оттого у вас и спрашиваю, — развел руками Цзюцин.

Стражи задумчиво закивали.

— И где же этот пришелец сейчас? — уточнил Белый.

— У меня дома отсыпается.

Черный страж тут же нахмурился, недовольно зыркнув на юношу:

— Ты совсем рассудок потерял? Тащишь в дом первого встречного!

— Да безобидный он, — отмахнулся Цзюцин. — Память напрочь отшибло, даже имени собственного не помнит. Что он мне сделает? — Он весело сощурился и добавил: — Он ведь поначалу даже не сообразил, куда попал. А как увидел, из чего я похлебку варю, его чуть наизнанку не вывернуло.

Цзюцин задорно рассмеялся, вспоминая вчерашнюю сцену.

Однако господам Непостоянства было не до смеха. Лица их мгновенно помрачнели.

Если все обстояло именно так... Без документов, без конвоя, лишенный памяти и заброшенный неведомо как в загробный мир...

В преисподней существовала лишь одна душа, подходящая под это описание. Та самая, что веками покоилась под печатью в бескрайнем море кроваво-красных цветов на берегу реки Забвения.

Похоже, пришло время явиться к господину Яньгу и спросить: неужели тот, кого он так долго и преданно ждал, наконец очнулся от векового сна?

<http://bllate.org/book/18339/1766170>